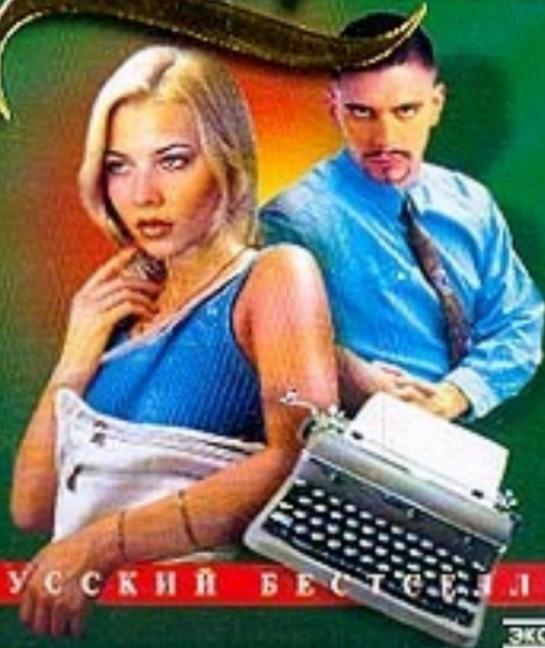

Марина
СЕРОВА

УМЕЙ вертеться

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭКСМО

Марина С. Серова
Умей вертеться
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167229*

Умей вертеться: Эксмо; М.: 2003

ISBN 5-699-03226-6

Аннотация

Город в панике: таинственный шантажист-убийца посылает письма с угрозами в семьи девочек-подростков. Если ему вовремя не выплатят определенную сумму, говорится в письме, девочка будет изнасилована и убита. И это не пустые угрозы: женщина заплатила шантажисту нужную сумму, однако, ее дочь все-таки убили. Безутешная мать обратилась за помощью к частному детективу Татьяне Ивановой, которая с первых же шагов расследования сделала вывод: действия преступника совершенно непредсказуемы и нелогичны. Это значит только одно – здесь работает либо сумасшедший, либо... тот, кто пытается выдать себя за такового...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марина Серова

Умей вертеться

Глава 1

Нежная, прямо-таки сверкающая майская зелень ласкает уставший от сплошной зимней серости взор. Так и хочется побольше вобрать в легкие этого чистого, напоенного весенней свежестью воздуха. Обожаю весну!

Сегодня у меня день отдыха и здоровья. Я приделалась соответствующим образом, распустила волосы и вышла на проспект с целью прогуляться.

Теплый ветер ласково треплет мои непослушные белокурые локоны. Распущенные волосы, подчиняясь потокам воздуха, так и норовят прилипнуть к лицу, закрывая мне при этом глаза. А вот это уже несколько раздражает.

– И зачем их только распустила? Не могла просто заколоть, – немного нервно вырвалось у меня. Придерживая рукой порхающие пряди, я остановилась у первого попавшегося киоска, чтобы подобрать более или менее подходящую заколку и решить неожиданно возникший вопрос с парящими волосами.

Увлечшись выбором заколки, я не обратила внимания на толстую, как кадушка, женщину, которая выплыла из супер-

маркета «Белочка». Сначала она тоже едва не прошла мимо, потом вдруг остановилась и с диким воплем «Иванова!» бросилась мне на шею.

– Иванова?! Тань, неужто ты?

Сначала я ее даже и не узнала. Слишком уж она изменилась: растолстела до безобразия, украсила лицо очками вроде тех, которые в фильме про Буратино носил кот Базилио. И дурацкая фетровая шляпа с большими полями совершенно не подходила к дорогому, но довольно безвкусно сшитому кожаному костюму.

Лишь потом, немного отстранившись и рассмотрев как следует знакомые черты, я поняла, что передо мною не кто иной, как Нинка Гусева из параллельного класса собственной персоной. Вот это номер! Если б она не набросилась на меня со своими поцелуями, я бы мимо запросто могла пройти. Боже, и это та самая красотишка из «В» класса с точеной фигуркой?! Была. А теперь... Бог ты мой.

– Нина Гусева?

– Ага, – радостно кивнула женщина, – она самая. Сильно изменилась?

Я неопределенно пожала плечами. Не ошарашивать же свою давнюю подругу, сказав, что выглядит она далеко не на все сто.

– А ты все такая же красавица, – восхищенно произнесла Нинка, беспардонно рассматривая меня с головы до ног. – Даже еще лучше. Как будто и не было тех десяти лет, кото-

рые пролетели как один день. Нет, это дело надо обязательно отметить. Не каждый день встречаемся. Давай зарулим куда-нибудь, где можно выпить по бокалу вина и в спокойной обстановке поболтать.

Я улыбнулась и опять пожала плечами. А что, собственно говоря, гулять, так гулять. Наполним день отдыха светлыми воспоминаниями о далеком прошлом, окунемся, так сказать, в безоблачное вчера.

* * *

Мы с Нинкой заглянули в уютное кафе на набережной и с наслаждением потягивали кагор из бокалов на высоких тонких ножках.

– Рассказывай, как поживаешь! Как твой Валерка?

Нинка Гусева выскочила замуж за одноклассника, едва закрыв за собой дверь школы. Мы, ее однокашники, все были в шоке: так бездарно губить свою молодость может только человек, имеющий задатки камикадзе. Мы, глупые, и не знали тогда, что она была уже беременна.

Нинка сделала глаза по пять рублей и произнесла нечто нечленораздельное вроде «у-у».

– Ты что, Таньк? Даже не в курсе? Мы ж с ним разбежались еще до Алинкиного рождения. Да мы вообще с ним только три месяца вместе и прожили.

Вот тебе и неземная любовь. Именно так говорила Нинка

десять лет назад про свои внезапно нахлынувшие чувства. А ведь мы, подружки, честно предупреждали, что «замуж – не напасть, только б замужем не пропасть», на что Нинка серьезно ответила, что вот, мол, Иванова, когда сама полюбишь, тогда и узнаешь.

А Иванова до сих пор не узнала. И не потому, что не любила никогда, а скорее потому, что больше всего на свете ценила самое драгоценное, что было, – собственную свободу.

Ее я ни на что не променяю. Дудки. Да и работа моя не позволяет обзавестись мужем и кучей ребятишек. Я – частный детектив. И жизнь одинокого волка меня устраивает на сто пятьдесят процентов: всегда хожу по лезвию ножа, рискуя своей драгоценной жизнью.

«Мы в ответе за тех, кого приручили» – так говорил мой любимый книжный герой детства Маленький Принц. Так лучше уж никого не приручать, чем потом отвечать.

– Игорюху Турищева помнишь? Он на два года раньше нас школу закончил, ну, высокий такой, чернявый.

– Которого Турком звали, что ли?

– Во-во. Он теперь мой муж.

– Надо же, пути господни неисповедимы. Ты работаешь?

– Не-а. У меня ж никакого образования до сих пор нет. Игорюха давно пытался сподвигнуть пойти учиться, но Алинка маленькая была. Не до того. Сейчас, правда, учусь заочно в экономическом. Закончу, меня Игорюха к себе работать возьмет. Он у меня бизнесмен, правда, начинающий.

Не раскрутился еще как следует. Мы даже квартиру до сих пор еще не купили, живем вместе с маманькой. Да он и не больно-то стремится квартиру приобретать. Выстроил дачу двухэтажную в Александровке на маманькином участке, у нее в последнее время интерес к земле резко упал. Вот Игорь и надеется, что со временем сумеет меня убедить жить в этом медвежьем углу.

– А что ж тетя Лиза? Не могла тебе помочь с уходом за ребенком, чтобы ты училась?

Тетя Лиза, Нинкина мама, в отличие от своей дочери, вышла замуж поздно, Нинку родила в тридцать два года. Она, по идее, наверное, уже несколько лет на пенсии.

Нинка махнула рукой, нахмурившись, и уставилась в свой недопитый бокал.

– Не хочу говорить.

– Проблемы? – вяло поинтересовалась я. Мне вообще-то несколько поднадоел разговор о Нинкиных делах.

– Всякое бывает, – уклончиво ответила она.

Но потом не выдержала и принялась жаловаться на собственную мать.

– Как запьет, с ума с ней сойти можно. Да ладно б еще, если б выпила и вела себя прилично. Так нет. У нее довольно редкое сочетание: наряду с почти непреодолимой тягой к спиртному индивидуальная непереносимость алкоголя. Становится неуправляемой. А она еще довольно крепкая женщина. В соку, как это принято говорить. Иной раз, когда не

петь, в работе и я за ней угнаться не могу. Да что говорить о ее здоровье, если она плавает, как рыба? Представляешь? Почти шестьдесят лет, а она на Волгу купаться и загорать ходит. Так вот, когда такая особа примется кулаками размахивать, то вести себя просто не знаешь как.

Игорь ее ударить ни разу не решился. Говорит, стукнешь, а она возьмет да и развалится по мосоликам. И то правда. Она худенькая такая, юркая, как мышонок. И умеет создавать уют. Так порой нас достанет, что у меня самой иной раз кулаки чешутся. Нинка опять молчаливо потупилась.

– Уж мне, дочери, и то тошно, а Игорю вообще невозможно. Она, когда выпьет, к любому его слову цепляется и из дому гнать начинает, приживалкой величает. Да что там говорить? Тяжелый случай, словом. Сейчас, правда, тьфу-тьфу-тьфу, держится пока. Не знаю, насколько ее на этот раз хватит. Да что это мы все обо мне да обо мне? Ты-то как, Танюша? Ой, вот Игорюхе скажу, что тебя случайно встретила, он не поверит.

Я улыбнулась, спросила и тут же забыла. Как была болтушкой, так и осталась.

– Рассказывай, Иванова, рассказывай. Про мужа, про детей. Мне ужасно все интересно. Столько лет не виделась. А помнишь, как нас в туалете учительница географии с сигаретами поймала? Славные добрые времена, правда, Тань? А ты куришь сейчас?

Я кивнула и тут же почувствовала непреодолимый нико-

тиновый голод. Достав сигареты и зажигалку, предложила Нинке, но она покрутила головой.

– Не-е. Я давным-давно бросила. Как только узнала, что беременна.

– Как хочешь.

Я с удовольствием закурила. Стоявшие на столах пепельницы свидетельствовали о том, что в данном заведении посетители имеют право курить. Всегда стараюсь ходить именно в такие.

– Давай, Танюх, еще по одной за встречу. И расскажи, наконец, про себя, а то как в рот воды набрала, не хочешь даже делиться успехами со своей бывшей подругой.

Нинка разлила по бокалам остатки кагора.

Ни фиги себе. Это я-то как в рот воды набрала, сама не дала мне слова сказать, строчит, как из пулемета.

– Муж?

Я отрицательно покачала головой.

– Ты все еще не замужем? И куда только мужики смотрят? Такая баба пропадает. Давай, я тебя с Игоревым другом познакомлю? Он год назад с женой развелся. Она от него гуляла налево и направо, такая непутевая.

Я хмыкнула. Не уверена, что в замужестве буду вести себя много лучше, чем непостоянная супруга Игорькова друга.

– Нет, спасибо. Я как-нибудь сама. Моя работа предполагает в некотором смысле одиночество.

– А что у тебя за работа? Ты, насколько помню, в юриди-

ческий поступала?

– Поступала. И поступила. И закончила.

– Так ты в ментовке, что ли, работаешь?

И тут же без всякого перехода:

– Господи, Танька, а это случайно не ты тот самый детектив, который известен в нашем городе как чуть ли не самый непревзойденный?

Я улыбнулась и пожала плечами: раз она обо мне слышала, что толку отрицать?

– Вот это да! Ну, ты, Иванова, даешь! Я в восторге! Слушай, Тань, так я тебе, может быть, даже клиента подсуббочу.

Я невольно поморщилась. В моем мозгу прозвенел тревожный звоночек. Меня кости магические сегодня во время гадания отрицательно настроили.

Магические кости – это такие двенадцатигранники. На каждой из сторон определенное количество точек. Задаешь мысленно любой вопрос и бросаешь косточки. Выпадает некая комбинация цифр и чисел. Ответ на вопрос находим в толкованиях. Но так как я гадаю довольно часто, то помню толкования наизусть.

Сегодня косточки меня напугали:

23+8+32 – «Не дайте уговорить себя на участие в рискованном деле. Наивность – один из главных ваших недостатков, контролируйте себя, вам это очень пригодится, особенно в решающий момент».

Я тут же попыталась перевести разговор на другие рельсы:

чтобы не впутаться в рискованное дело, надо продолжать отдыхать. Тогда, может быть, и пронесет. Тем более что у меня потрясающая, совершенно уникальная способность попадать в разные неприятные истории. Вот если где-то рядом есть, пардон, дерьмо, так я обязательно, будьте спокойны, в него вляпаюсь.

– А Алинка у тебя большая уже?

– Десять лет.

Нинка проговорила это скороговоркой, все еще мечтая меня сосватать на какое-то, неизвестное мне пока дело. И еще ничего не зная о нем, я уже всеми фибрами души была против.

– Тань, в соседнем подъезде девочку убили месяц назад. А до этого ее мать получила письмо с угрозами, что если, мол, не заплатит определенную сумму, то ее дочь изнасилуют и убьют. Мать заплатила, а ее все-таки убили. Представляешь, какой ужас?! Мать буквально сама не своя. Седая стала разом. Оказалось, что случай шантажа уже не первый. Еще одну семью в нашем доме тоже шантажировали. Это уж потом, на похоронах выяснилось. Милиция сейчас ищет это чудовище. Только не верю я, что они его так сразу и найдут. Может быть, предложить твои услуги?

Я вздохнула, поражаясь Нинкиной наивности: сейчас только произнесу, сколько беру за свои услуги, так она сразу ретируется.

– Двести долларов?! Круто. Это ж ты, наверное, уже мил-

лионершей стала? Больше губернатора зарабатываешь.

Рассказывать Нинке о том, что деньги у меня словно в песок уходят, я не стала. И обрадовалась, что она, шокированная суммой гонорара, перевела разговор на тему моего материального положения на данном этапе. Она-то, вероятно, полагала, что я запросто бросаюсь расследовать любое дело, лишь бы только доказать окружающим людям, что частный сыск полезен для общества. А питаюсь я воздухом и ношу на своем прекрасном теле платье голого короля.

– Тань, сейчас я сделаю тебе предложение, а ты только посмей отказать. На всю оставшуюся жизнь обижусь и на свадьбу твою не приду.

Я опять улыбнулась, порадовавшись, что, кажется, на сей раз пронесло и кости явно ошиблись.

– Сегодня пятница. Ты сейчас идешь домой. Скоренько собираешься, и мы едем к нам на дачу. Посмотришь, как мы там обустроились и стоит ли мне менять пыльный Тарасов на райский уголок в глуши. И не отнекивайся, а Алинку я с матерью оставляю. Ей завтра в школу. Заметано?

– Уговорила.

– Так чего ж мы тогда драгоценное время теряем? Оно ж сейчас против нас работает!

* * *

Муж бывшей Гусевой, а теперь Турищевой, выглядел на

все сто: как и прежде, он был сложен словно Аполлон: ни жиринки лишней не отыщешь, сплошные мускулы. Умные, пронизательные глаза почти черного цвета. Ну, истинный турок, ей-богу. Я исподтишка любовалась им и не могла понять, как такой обаятельный и привлекательный мужчина может довольствоваться обрюзгшим, похожим на холодец телом своей половины.

Однако это просто лирика, и негоже мне осуждать бывшую подругу. Они прекрасно ладили, и Игорюха-горюха, похоже, смотрел на свою жену сквозь розовые очки. И ради нее, полагаю, мог бы пойти если не на все, так на очень многое.

Нинка сдержала слово насчет Игорькова товарища, и в итоге на даче мы оказались вчетвером. Дача Турищевых выглядела довольно внушительно: двухэтажное кирпичное здание, внутри – мореное дерево. В гостиной камин, отделанный позолотой. Словом, Игорюха постарался проявить свои творческие способности именно тут, в глуши, в деревне.

Мы бродили с Нинкой по участку, и она меня просвещала по поводу размещения грядок с овощами:

– Вот тут я перец болгарский посажу. Игорюха его обожает. В любом виде.

Может быть, как раз в этом и заключается секрет столь неравного, на мой обывательский взгляд, брака? Она ж даже дышит для него. А вот я так, наверное, не смогла бы. Это точно, потому что прежде всего себя, родную, спрошу, поинтересуюсь, а надо ли мне это. И только потом приму то или

иное решение. Нинка совсем другая: она за своим Игорьком в огонь и в воду пойдет.

– Кстати, а как тебе Ларин?

– Ларин?

Я, слушая Нинину болтовню и одновременно наслаждаясь деревенским воздухом, не сразу сообразила, о ком идет речь.

– Ну да, Ларин, Мишка.

– Ничего, – неопределенно ответила я, – поживем – увидим.

Поджарый высокий блондин Мишка Ларин, чем-то смахивающий на артиста Харатьяна, чисто внешне мне понравился, но я как-то сразу дала понять, что Дульсинеи Тобосской для синьора Ларина из меня не получится. Вполне возможно, потому что я, все еще помня наказ костей, веду себя чрезвычайно осторожно, пытаюсь удержать себя, родную, от любых вляпываний куда бы то ни было.

* * *

До чего ж хороша благоухающая звездная майская ночь! Прохладный воздух и запах цветущей сирени... А если вы еще в приятной компании у костра, где жарится шашлык, то комментарии просто излишни. Охами и вздохами не передашь всех чувств, которые в тот момент испытываешь.

Я расслабилась и даже позволила сидящему рядом Михаилу несколько по-хозяйски обнять меня за плечи.

Мишка, кстати, довольно приятный мужчина. Понимает толк в комплиментах. И сумел сказать именно то, что мне хотелось от него услышать.

В тысячу первый раз я услышала от мужчины, что я – совершенно потрясающая женщина. Прямо ангел во плоти. Хоть лесть, как говорится, гнусна, но все ж... Милые вы мои, ну где, скажите мне откровенно, где вы найдете женщину, которая отказалась бы слушать столь приятные речи, невзирая на то, есть в них доля правды или нет? В моем случае как раз, я думаю, есть.

Разговоры у костра не иссякали. У нас было много общего в прошлом, много общих знакомых. С одними из них впоследствии, по прошествии энного количества лет, общалась я, с другими – Турищевы. Вот теперь мы и обменивались мнениями и впечатлениями. У меня даже с Мишкой общие знакомые, оказывается, нашлись, что было почему-то даже приятно.

Спиртного оказалось вполне достаточно, чтобы просидеть у костра целую ночь, если, конечно, кто-то не выпадет из обоймы раньше времени. Однако пока все держались молодцами. В сущности, даже из стадии обезьяны пока что никто не перешел в стадию льва, а уж в стадию свиньи тем более.

Разошлись от костра мы только тогда, когда уже светало. И сразу рухнули, кто где местечко присмотрел. Мы даже посуду и мусор от костра не убрали, настолько сморила всех усталость.

А утро началось с головной боли, и мальчики предложили кардинальные меры: клин клином.

Мусор и грязная посуда так и не были убраны. Нинка, увидев мои вялые попытки ликвидировать погром, тут же решительно остановила меня:

– Не сходи с ума, Танюх. Отдыхай на всю катушку, сил набирайся. Я потом все сама сделаю. Мне ж не на работу. Что ты дергаешься? Все равно этот бардак никто не видит.

Время пробежало совершенно незаметно. Я не успела оглянуться, как субботний день стал неумолимо клониться к вечеру, а ведь суббота – тринадцатое. Я с самого утра ожидала не милостей от природы, отнюдь, а совсем наоборот, гадостей: кости вешали. Да и число тринадцатое. Ох и глупая я женщина. Но что со мной поделать? Верю в чертову дюжину, хоть режь. Ну верю, и все тут.

Эта поездка к Турищевым на дачу оставила бы у меня лишь положительные эмоции и массу ярких впечатлений, если б не продолжение субботнего вечера. Вообще-то насчет ярких впечатлений, похоже, как раз все в порядке, как и положено тринадцатого числа.

Когда уже начало смеркаться, на дачу явилась Елизавета Ивановна. В спортивном костюме с липовой нашивкой «Адидас», она шла решительным шагом, размахивая полупустой сумкой. За ней брела светловолосая девочка лет десяти. Я сразу поняла, что это и есть Алинка.

Мы как раз сидели на лавочке под окном турищевского

детища. Елизавета Ивановна, обратив внимание на разбросанную у костра посуду и неубранный мусор, даже не поприветствовав нас, сразу набросилась с упреками:

– Развели тут кильдим. Ничего им не надо, только бы водку жрать.

Она бросила у порога свою авоську, направилась к кострищу, гневно пнула пустую кастрюлю с засохшими на стенках остатками прежней роскоши.

– Это что ж вы тут творите, когда дома такое горе?!

– Что случилось, мама? – спокойно спросила Нина, видно, давно привыкшая к таким эскападам Елизаветы Ивановны.

– Деньги готовьте. Вот что. Лучше их на дело потратить, чем не знай кого задарма поить да кормить.

– Елизавета Ивановна... – вмешался было Игорьь.

– А ты вообще молчи. Ты тут никто. Понастроил на моей земле. Доведешь меня, возьму да и спалю твою дачу со всем барахлом, нахлебник.

– Бабуля, – девочка попыталась отвести женщину в сторону небольшого домишки, который принадлежал Елизавете Ивановне, – пошли. Ты лучше сейчас спать ложись. Завтра все скажешь.

Но Гусева не собиралась останавливаться, наоборот, продолжала себя накручивать, не пытаясь объяснить, в чем причина ее столь нервного состояния.

Впрочем, было ясно и так: глаза ее лихорадочно блестели, похоже, старушка приняла на грудь. А если она выпила,

то все будет, как описывала мне при первой встрече Нина. Значит, магические кости были правы, и вляпывания в нечто мне уже не избежать.

Игорь, потеряв, видимо, терпение, поднялся, крепко обхватил тещу за плечи и усадил на лавочку:

– Успокойтесь и говорите, что произошло. О каком горе вы ведете речь?

Женщина вскочила, схватила свою сумку, порылась в ней и извлекла конверт:

– Вот, полюбуйтесь. Нам тоже такое письмо, как Гавриловым, пришло. А вы хер знает чем тут занимаетесь. Алинку, кровинушку мою, грозятся похитить, – она зарыдала.

* * *

Письмо гласило следующее:

«Ваша дочь Алина будет похищена, изнасилована и убита, если вы не заплатите выкуп в размере тысячи долларов. Если жизнь вашей дочери дорога вам, вы приготовите указанную сумму и передадите ее. Условия передачи я назову позже по телефону. Не пытайтесь вмешивать милицию. В противном случае вашей дочери не поздоровится. Если же вы попытаетесь на время просто изолировать вашего ребенка, то трагедия все равно произойдет. Только несколько позже. На всю жизнь человека не спрячешь. Надеюсь на ваше благоразумие. Незвестный».

Вот такое страшное письмо, отпечатанное на портативной машинке. Буква «о» выпадала из общего ряда, и нижняя часть ее была бледнее верхней.

– Боже, – прошептала Нина.

Игорь молча вертел в руках конверт, рассматривая его со всех сторон, словно пытаясь отыскать на нем имя шантажиста или какие-то другие, не менее ценные сведения. Хмель разом слетел со всех нас, словно и не пили.

Я взяла конверт, тоже рассмотрела его. Понюхала даже. От письма исходил слабый запах то ли валерианки, то ли корвалола. Словом, вполне аптечный запах.

– А вы, ироды, навели табун и водку жрете. Убить вас мало, – Елизавета Ивановна замахнулась на дочь. Нина инстинктивно сжалась и зажмурила глаза.

Ярость так же внезапно исчезла, как и нахлынула, и Елизавета Ивановна уже вполне миролюбиво поинтересовалась:

– У вас что-нибудь выпить осталось? Мне надо стресс снять, а то инда сердце заходится от ужаса пережитого. Письмо-то я сегодня к вечеру в почтовом ящике обнаружила и сразу на вечерний поезд с Алинкой. А то, думаю, не дай-то бог чего, вы ж меня тогда со свету сживете. Ну, нальете, что ли?

– Мама, ничего нет. Да тебе и хватит уже. Ты же знаешь, что тебе вообще пить нельзя, – робко возразила Нина.

Я, честно говоря, даже поразились. Никогда не думала, что эта неугомонная болтушка может так заробеть перед

собственной матерью. Это уж потом только я поняла, чего боялась на самом деле Нина. А боялась она, что мы, то есть я и Михаил, увидим ее мать во всем цвете.

Так оно и вышло.

Когда Елизавете Ивановне отказали в выпивке, она опять рассвирепела. Она ворвалась в дом, принялась швырять стулья, разбила пару тарелок, при этом матерясь, как сапожник. Алинка, напуганная страшным письмом и поведением бабушки, тихо плакала. При виде распоясавшейся Елизаветы Ивановны все на какое-то время даже забыли про письмо.

Игорь сгреб старуху в охапку и отвел ее в принадлежащий ей домик. Потом, вернувшись, закрыл дверь своей дачи на ключ. Елизавета Ивановна тут же возвратилась и принялась дубасить кулаком в стекло:

– Открывайте, сволочи! Не то я окно расхерачу!

– Я сейчас вызову милицию, мама! – крикнула ей Нина.

– Я те дам милицию! Матери родной грозить! Ну я вам, гадам, сейчас устрою!

Бормоча ругательства, она удалилась.

– Что она задумала? – тревожно спросила Нина.

Игорь пожал плечами.

– Может, стоило дать ей рюмку? Она бы, может, притихла? – выразила я свои сомнения.

– Да ты что! – в один голос воскликнули Игорь с Ниной.

– Она с каждой рюмкой становится все агрессивнее. Этого ни в коем случае нельзя делать, – пояснил мне Игорь. – К

тому же она и так уже в хлам, как говорится.

– Игорь, посмотри, что она там задумала?

Еще через пару минут мы услышали гневный голос Игоря и грязные ругательства в ответ, а выйдя во двор, увидели дикую картину.

Елизавета Ивановна, обхватив столб электропередачи метрах в полутора от земли, пыталась длиннющей палкой перебить провода, несущие электроэнергию в дачу Турищевых. Как ей удалось вскарабкаться на почти гладкий столб, до сих пор ума не приложу. До нас донеслись ее угрозы:

– Вот хер вы от моего столба питаться будете! Я вам устрою содом с гоморрой!

Игорь попытался поймать тещу за ногу и стащить со столба и тем самым спасти ее, дуру набитую, от неминуемой гибели. Елизавета Ивановна в ответ яростно лягалась.

– Ну, ты, экскремент похмельный, когда-нибудь добьешься своего! Я тебе череп-то раскрою! – выплюнул обидные слова Игорь, от злости даже перейдя на «ты».

– Это ты акстримент! Еще какой акстримент. На себя посмотри! – кричала Гусева, продолжая размахивать дубиной.

– Мама! Тебя убьет! – Нина кинулась к матери и тоже попыталась стянуть ее за штанину спортивных брюк, в которые была одета узурпаторша. Штаны с этой милой бабушки тут же соскользнули, обнажив худые ляжки с синими узорами варикозных вен.

При мертвенном свете неоновой фонаря, висевшего пря-

мо над головой бабульки, картина выглядела ужасающе безобразной, и мое терпение лопнуло: я кинулась на помощь.

Схватив женщину за ступню, я резко дернула ее, крутанув ногу. Дама приземлилась довольно безболезненно, во всяком случае, ничего угрожающего ее жизни не произошло, ну разве что пара синяков завтра нарисуеться. Так это мелочи.

Елизавета Ивановна заскулила, как побитая собака, и принялась облаивать меня громко и колоритно:

– Дылда белобрысая! Чтоб у тебя харя прыщами покрывалась! Чтоб...

Неприятно излагать все, что мне довелось услышать в тот самый момент в свой адрес.

– У вас есть фестал? – спросила я у Нины, не обращая внимания на сыпавшиеся, как из дырявого мешка, оскорбления.

– Да, кажется.

– Быстро тащи две таблетки сразу. И воду, чтобы запить, – я продолжала одной рукой прижимать бабульку к земле, а другой одновременно отмахиваться от ее нападков.

– Зачем? – удивилась Турищева.

– Быстрее давай. Фестал в какой-то степени нейтрализует алкоголь.

Через пару минут мне удалось сподвигнуть буяншу принять препарат. Потом я силком отвела ее в дом, дала еще и успокоительного, а для верности пристегнула ее левую руку к кровати наручником. Когда с кровати раздался долгождан-

ный храп, все невольно облегченно вздохнули.

– Ну и чумичка! Впервые такую вижу, – не выдержала я.

– Вот, Тань. Сама ее вчера сглазила. Только тебе похвасталась, что держится, и тут нате вам из-под кровати. Кошмарный вечер! И еще это письмо. Что будем делать, Игорь? – Нина горько заплакала, прижав к себе одной рукой Алинку. Девочка тоже шмыгала носом и украдкой тыльной стороной ладони вытирала катившиеся по бледным щекам слезы.

Мишка взял со стола сигарету, молча закурил. Я к нему присоединилась.

На душе становилось все паршивее. Теперь мне уж точно не избежать вляпывания в историю. Отдохнула, называется. Хочешь не хочешь, а придется предлагать свои услуги, да и девчушку жалко. Не отдавать же ее на откуп вампиру, который способен на все. Все-таки я ее матери не совсем чужой человек: когда-то дружили.

Глава 2

– Нин, я считаю, что надо обратиться в милицию. Ведь предыдущую девочку убили, несмотря на то что мать ее заплатила. Я не из-за денег так говорю. Ты же знаешь. А пока спрячем Алинку. Может, милиция и найдет этого неизвестного, пока ее не будет. Я вздохнула.

– Спрячем Алинку у меня, вернее, у родителей моей подруги. Там ее никто не найдет. В школу она пока ходить не будет, я договорюсь. У меня в вашей школе подруга работает, да вы ее знаете – Истомина Елена Михайловна. Вот у ее родителей мы и спрячем пока Алинку. Не надо в милицию, я сама его найду, – выпалила я разом, боясь, что, если сразу не решу для себя этот вопрос, потом мне его и решать не захочется.

– Мы заплатим, Таня. И Вера Васильевна, я уверена, тоже заплатит, только бы нашелся убийца ее дочери.

– Странный все-таки человек этот шантажист.

– Разве такие люди вообще могут быть нормальными? – возразил мне Мишка.

– Да нет, я не о том, что он шантажирует.

– А о чем же тогда?

– Игорь, сколько ты сумел бы собрать денег для того, чтобы спасти жизнь Алины?

Игорь призадумался, потом не слишком уверенно сказал:

– Ну, если немного поднапрячься, я бы смог наскрести тысяч тридцать. Это сразу. А при более жесткой политике шантажиста продал бы торговые точки, дачу, машину, гараж, ну и...

– Короче, тысяча для тебя не такой уж и большой напряг, как я поняла?

– Нет, ну напряг, конечно. Незапланированная трата всегда из колеи выбивает. Но если речь идет о жизни или смерти близкого человека, то не о деньгах и других материальных благах думать начинаешь.

– Вот, – воодушевленно сказала я, – именно это я и хотела от тебя услышать.

– И что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась Нина.

– Только то, что некто хочет получить от вас по-легкому денежки. Не слишком рискуя. Пошли бы вы в милицию из-за паршивой тысячи долларов, если бы вам твердо пообещали, что в случае уплаты вашей дочери перестанет грозить опасность?

– Ой, Таня, какие дела? – глаза Турка Игоря загорелись. – Но ты продолжай. Так какие идеи в связи с этим?

– Некто, очень хорошо знающий ваши доходы и расходы, решил подзаработать. И не слишком рисковать при этом. Это я уже сказала. Кто знает все эти тонкости в вашей жизни?

Взгляды обоих супругов непроизвольно сошлись на Миш-

ке, и он разом все понял, ужаснувшись:

– Честное слово, ребята, это не я! Вы меня столько лет знаете. Вы что, охренели?!

Турищевым стало совестно, и они на ходу перестроились.

– Может быть, Мишель, ты кому-нибудь случайно говорил про наши дела? – поинтересовался Турок.

Мишка неопределенно пожал плечами:

– Ну... Можно подумать, конечно. Только вряд ли. Я в своих-то собственных карманах порой не знаю, что найду. Нет, это скорее всего исключено. Ты, Игорюха, лучше сам все просчитай. Может быть, от «крыши» твоей информация исходит и какой-нибудь гоблин решил прибарахлиться за спиной у хозяина?

Идея показалась мне весьма приемлемой, хотя и гоблины вряд ли станут лезть в дерьмо из-за такой, далеко не заоблачной, суммы. Но отработать версию «гоблин-шантажист» просто необходимо, и причем в первую очередь. Надо же с чего-то начинать, а ничего лучшего я пока придумать не смогла.

Выяснилось, что курирует бизнес Турищева некий Василий Свеклов по кличке Свекла. Хозяин Свеклы, Силаев Антон Петрович, довольно видный представитель тарасовского бомонда. За глаза все величали его Силой.

Турок, как теперь я уже знала, занимался реализацией медицинских препаратов. Если Свекла специализируется по обдиранию частных аптек, то специфический аптечный за-

пах мог прочно приклеиться к нему. Хотя... Не думаю, что Свекла так уж часто посещает своих подопечных. Разве что именно перед тем, как ляпнуть угрожающее письмо, он заглянул в одну из контролируемых аптек.

Голова как свинцовый шар – побережь бы драгоценные клеточки серого вещества.

– Я, ребята, так думаю, надо пораньше лечь спать, чтобы назавтра быть бодрыми и свежими, как огурчики. В город поедем не с утра, а чуть попозже из тех же самых соображений. Кроме того, под моим зорким взглядом тут Алинке ничего не грозит.

– Тань, мать заснула. Может, расстегнешь наручник, а то у нее рука затечет.

Нинину просьбу я выполнила. И совершенно напрасно. Поскольку часа через два я проснулась от тихих шорохов: Елизавета Ивановна потихоньку отыскала – в темноте! – водку и успела проглотить пару рюмок.

Я выскользнула из постели, подкралась к ней сзади и схватила за шиворот:

– Если подымите такой же тарарам, как вечером, берегитесь! Сама вас в милицию отвезу. Лично.

Мой зловещий шепот подействовал на старуху. Она так же, как и я, шепотом заверила меня, что ляжет в постель и никому докучать не станет.

* * *

Всю дорогу до самого дома Игорь и Елизавета Ивановна ссорились. Она опять нашла чем «причаститься» и теперь была настроена агрессивно. Поняв из разговора, состоявшегося при ней, что я берусь за расследование дела, она высказала недоверие и неудовольствие: Елизавета Ивановна считала, что надо заплатить и ни в коем случае не совать нос в чужие дела. А вообще-то я на месте Игоря давно бы эту бабуську отдубасила, да так, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнила и не лезла бы голым задом на забор.

– Была б тебе Алинка родная, ты б не так себя повел. Что баба против шантажиста сделать может, если и милиция бессильна? – брызгала слюной Елизавета Ивановна.

Игорь молча отвернулся, всем своим видом показывая, что он чрезвычайно внимательно осматривает окрестности. Мишка, сидевший за рулем «девятки», упорно молчал и делал вид, что ничего не видит и не слышит. Нина тоже не вмешивалась.

* * *

Мы заскочили сначала ко мне. Я взяла свой телефонный аппарат с определителем номера, поскольку у Турищевых

пока такой роскоши не имелось. И мне некоторое время придется довольствоваться давно списанным мною допотопным телефоном. Ерунда! Для дела ничего не жалко.

– Соберите для Алинки необходимые вещи. Потом Миша нас отвезет к Антонине Васильевне и Михаилу Кузьмичу. Может быть, я сразу и по поводу пропусков уроков договорюсь, если Елену Михайловну отыщу. А вы оставайтесь пока дома. Вполне возможно, что шантажист выйдет на контакт.

– Ну что ты говоришь, Таня? Достаточно того, что мама и Игорь будут дома. Должна же я посмотреть, где моя дочь будет находиться. Я ж не могу вот так запросто отпустить ребенка бог знает куда.

Я пожалала плечами. Что поделаешь? Мать – она и есть мать. Беспокоится за свое чадо. Да и что сможет произойти за пару часов, пока мы с Ниной обустроим Алинку на новом месте?

Если б я в тот момент могла предположить, что иногда и минуты решают судьбу, я бы Нину отговорила.

А Алинку, собственно говоря, я могла бы устроить и в своей конспиративной квартире. Только кто там за ней присмотрит? Нине, как я уже сказала, необходимо находиться дома, чтобы преступник не заподозрил неладное. На Елизавету Ивановну надежда, как на боку лежа.

Антонина Васильевна радостно вскрикнула:

– Танечка, голубушка ты моя! Какими судьбами? Проходи скорее, радость моя! А Леночка сегодня не дома. Она на выходные к своей однокурснице в район укатила. Только завтра утром обещала вернуться.

Мать Лены еще не видела скромно притулившихся у стенки Нину Максимовну и Алинку.

– Антонина Васильевна, – бодро заявила я, – а я вообще-то именно к вам в гости пожаловала. И не одна. Я вам временного постояльца привезла.

Главное – поставить вопрос ребром, как говорится. Так преподнести, чтобы не было ни желания, ни возможности отказать мне. Да ведь и дело-то хорошее, согласитесь. Божеское.

Нина с Алинкой шагнули к порогу.

– Вот познакомьтесь, пожалуйста. Это Нина, а это, – я кивнула на девочку, – ее дочь Алина. Нина училась в одной школе со мной и Леной. Только в параллельном классе.

Ленка, дочь Антонины Васильевны, моя одноклассница и лучшая подруга. На данном этапе Ленка работала учителем французского языка в пятой школе, в той самой, где учится Алина Турищева.

– Очень приятно. Друзья моей доченьки самые дорогие

гости в доме. Проходите. Мы с Мишей как раз обедаем. Присоединяйтесь.

Мы прошли в квартиру. Отвертеться от наваристых щей Антонины Васильевны нам не удалось. Оно и к лучшему, поскольку за столом произошло полное сближение Ленкиных родителей и Нины Максимовны. Она теперь была спокойна за Алинку, знала, что в этом доме о ее несчастной девочке позаботятся как следует.

– Горе-то какое, – сокрушалась Антонина Васильевна. Пусть поживет, конечно. Нам же с Кузьмичом-то только веселее будет. Свои-то внуки выросли давно, Сашеньки-то, а Леночка пока нас не осчастливила.

Ленкин старший брат, Александр, старше ее лет на десять. Именно его детей и имела в виду Антонина Васильевна. А Ленка, как и я, волк-одиночка. От нее старикам еще долго внуков ждать придется, если вообще когда-нибудь дождутся.

– Это ж такое и пережить-то тяжело, невозможно как. Беда!

– Беда, конечно, – кивнула я. – Сколько времени займут поиски злодея, я не могу сказать. Алинку заберу лишь тогда, когда все решится лучшим образом. А продукты я вам все, какие надо, привезу.

Антонина Васильевна замахала на меня руками:

– Не надо ничего! Что уж мы, совсем, что ли, нищие? Одного ребенка не прокормим?

Приятно было слышать от Антонины Васильевны такое,

приятно еще раз убедиться в ее полном бескорыстии. Однако я очень хорошо знаю, как живут в нашей нищей стране пенсионеры. Знаю, что очень многие ранним утром, пока все спят, едва не проваливаясь от ужаса и стыда, палками ворошат мусорные баки в поисках чего-нибудь полезного, что может пригодиться в хозяйстве. Поэтому, само собой разумеется, обращать внимание на отнекивания доброй пожилой женщины не стоит.

– А у нас в соседнем доме, Танюш, тоже такое года три назад случилось!..

– Да? – заинтересовалась я.

– Да-а. Вот так. В две или в три квартиры письма с угрозами приходили. Они заплатили потихоньку, не поднимая шума. Это мы уж после узнали. Когда Маркеловы письмо получили да в милицию сообщили. С них преступник тогда две тысячи долларов затребовал. Они, конечно, богато живут. Но заставить их с лишней копеечкой расстаться – дело невыполнимое. У них, говорят, порой десятку займы попросишь, так утрешься да уйдешь ни с чем. Вот они в милицию и написали заявление. Милиция операцию разработала, а преступник за деньгами не явился. Тогда-то все про остальных, которые заплатили, и выяснилось.

– Любопытно. И с их ребенком ничего не произошло?

Антонина Васильевна пожала плечами:

– Да ничего поначалу. Под машину потом Верочка угодила. Ну, это уж через месяц после письма произошло.

– Любопытно. И Верочка погибла, надо думать, а преступника так и не нашли?

– Да нет. С Верочкой, слава богу, все в порядке. Только сотрясение мозга. А преступника и впрямь не нашли. Сбил девчонку и скрылся с места происшествия. Пьяный, видать, был. Потому и не захотел с милицией сталкиваться. А номера заляпаны были. Такая вот история. Все ходим под богом единым. И никто заранее не знает, что впереди ждет. – Антонина Васильевна грустно вздохнула, моя тарелки и убирая их в навесной шкаф над мойкой.

* * *

Нина ждала меня в машине, пока я заглянула к Маркеловым. Нового я почти ничего не узнала. Антонина Васильевна все описала достаточно подробно.

– Вспомните поподробнее все произошедшее с момента получения угрожающего письма. Через какое время преступник вышел на контакт и какие поставил условия передачи денег?

– Да обыкновенные условия. Про такие я в каком-то детективе читала даже. Нам было предложено на большой скорости проехать по Волгоградскому тракту в двенадцать ночи и выбросить кейс с деньгами на двенадцатом километре, прямо у столбика.

– И вы выбросили деньги, как того требовал преступник?

– Да, мы сделали все, как он требовал. Но все действия, в том числе и телефонные звонки, контролировались милицией. И на двенадцатом километре оперативники заранее замаскировались. Только преступник за кейсом не явился. И с тех пор себя не обнаруживал.

– А наезд на вашу дочь вы не связываете с этой историей?

Наталья Николаевна пожевала губами и тихо покачала головой:

– Нет, не думаю. Мне кажется, что это лишь совпадение. Только и всего. Ведь если бы действовал тот же преступник, он не преминул бы сообщить, что мы уже наказаны немного и, в случае повторного обращения в милицию, он придумает что-нибудь еще и в конце концов завершит начатое – если мы по-тихому, без вмешательства правозащитных органов, не заплатим.

Рассуждения женщины мне показались довольно логичными. Хотя лично я поставить вот так на карту жизнь близкого человека не смогла бы, будь я просто матерью, а не частным детективом.

О характерных признаках печатной машинки и стиле письма преступника Наталья Николаевна ничего вразумительного сказать не могла, только подтвердила, что, мол, смысл текста во всех случаях схож, а значит, надо будет потормозить Кирию и посмотреть то давнее дело.

Видимо, преступник действует не в одном районе города, а меняя места дислокации. Значит, необходимо догадаться

о принципе смены мест: меняет ли он поле деятельности после очередного прокола или по какой-то иной причине. Ведь все остальные, по словам Натальи Николаевны, не разглашая случившегося, до момента провала с Маркеловыми именно так и поступали: выбрасывали на скорости кейс из окна автомобиля. Но с них, по словам Маркеловой, требовали всего-то по пятьсот, а то и меньше, долларов. Чего бы не заплатить тихо-мирно? Да, мелкогато плавает наш вампир. И интересно будет изучить дело, которое наверняка пылится в архиве.

Но не все сразу. Сначала надо заехать к матери погибшей недавно Гавриловой Тани.

Первое впечатление от бурной деятельности этого отморозка такое, что у парня просто-напросто не все дома. Что действует некий, миль пардон, шизоид, который мало интересуется деньгами и требует их лишь для пущей важности. Основная же цель его – держать в страхе жителей того района, в котором он на данном этапе действует.

* * *

Я оставила машину во дворе возле дома Гусевой и направилась в соседний подъезд. Нина, пожелав мне удачи и скорой поимки чудовища, направилась домой ждать звонка, который мог последовать в любую минуту.

Дом, в котором проживали Турищевы и Гусева, девяти-

этажный, в виде буквы П, занимал почти полквартала. Словом, маленький «мегаполис». Принято же у нас мини-маркет маленьким «супермаркетом» называть.

Нажав кнопку лифта и подождав пару минут, я плюнула и пошла пешком. Третий этаж не девятый, и прогуляться пешком совсем не вредно, а даже наоборот.

Я уже протянула было руку к звонку, и тут затрещал в сумочке сотовый.

Чертыхнувшись про себя, достала мобильник.

– Таня! Ужас! Зайди ко мне скорее! Тут такое! Такое! – голос Нины был неузнаваем. Судя по всему, она была готова забиться в истерике.

Сердце мое на мгновенье сжалось.

– Что случилось?

Ой, да что я спрашиваю? Проще добежать и посмотреть самой, что могло произойти за две минуты, которые я потратила на ожидание лифта.

– Бегу! – крикнула я и бросилась вниз по лестнице.

Нина встретила меня, стоя в проеме открытой двери, с испуганным лицом. Из глаз катились слезы.

– Что? – выдохнула я.

Она показала рукой в глубь квартиры:

– Там... Там... Мама...

Я оттолкнула ее и прошла в комнату. Наметанный взгляд детектива сразу отметил, что порядок в комнате не нарушен.

– В спальне, Таня... Мама.

Я прошла в спальню.

Елизавета Ивановна лежала на кровати поверх одеяла и будто спала. Это в первый момент так показалось, поскольку лицо ее было спокойно, одежда в относительном порядке. И только неестественно бледный цвет лица да разом заострившийся нос указывали на то, что перед нами не спящий человек, а покойник.

Я невольно присвистнула и взяла старуху за запястье: она даже остыть не успела. Признаков трупного окоченения в наличии не было, что указывало на совсем недавнее наступление смерти. Причем не естественным путем, а насильственным: об этом красноречиво говорила гематома на правом виске.

– С полчаса назад она умерла, – сказала я Нине, стоявшей в дверях спальни.

– Таня, как ты думаешь...

Я знала, что она хотела меня спросить. Что ответить? Она лучше меня это знала. Допекла бабуська, видать, крепко Игоря. Вот нервы и не выдержали. Я вчера сама с большим наслаждением этой гнусной старухе по репе врезала бы, а уж у меня терпение адское и воля тренированная.

– А где он сам? – спросила я у Нины.

Губы ее затряслись. Она беззвучно зарыдала:

– Ты тоже так подумала, Таня? Неужели он мог так поступить? Я не верю! Он такой добрый.

Вздыхнув, я пожала плечами. Добрый, это точно. Только

старуха была уж больно не контролирующая себя, земля ей пухом, как говорится. Про покойников, конечно, не принято злословить, но... Такая и ангела на дикую выходку спровоцировать могла.

– Что же делать, Таня? Что делать? – Нина обеими руками яростно хваталась за голову.

– Вызывать милицию, конечно, – машинально пробормотала я, внимательно тем временем изучая окружающую обстановку.

– Так ведь его арестуют?

– Задержат, – машинально подтвердила я, продолжая внимательно осматривать место преступления. Орудием убийства мог послужить любой тупой предмет, его-то я и искала. Кастет? Не похоже, слишком уж большая по диаметру гематома. И тут мой взгляд упал на полку с инструментами за дверью спальни: прямо с краю лежал молоток. С помощью бумажки, чтобы не затереть отпечатки, я аккуратно двумя пальцами взяла его в руки.

– Скорее всего старушку убили вот этим предметом.

– Значит, ты все-таки считаешь, что это Игорь ее убил? – почти шепотом, с глазами, полными слез, спросила Нина.

Я пожала плечами: откуда я могла знать точно? Ведь вчера на даче они поссорились. Старуха вела себя так, что даже я, выдержанная, с тренированной волей, готова была ее убить. Если она и сегодня допекала Игоря точно так же, то всякое могло быть.

И тут я обратила внимание на странный, рассыпанный по паласу порошок. Нагнулась, провела пальцем по нему и поднесла палец к лицу, намереваясь определить по запаху, что это такое. И тут же принялась неистово чихать.

– Кажется, преступник все посыпал здесь красным перцем, чтобы собака не смогла взять след. Странно все это.

– Что, что странно? Таня, неужели ты хочешь сказать, что это Игорь так хладнокровно убил маму, а потом еще и перцем следы преступления обработал?! Чушь!

Действительно чушь, не могла я не согласиться. Игорь мог убить старушку в порыве гнева. Тогда бы он просто бросил молоток на пол. Но в этом случае он бы позвонил либо мне, либо в милицию. Думаю, нет, просто уверена, что он и поступил бы именно так.

К тому же если старуха была убита во время ссоры, то вряд ли бы она лежала на собственной постели с мирно вытянутыми вдоль тела руками...

Не считаю, что размышления мои были излишне самоуверенны. В людях я ошибаюсь довольно редко, поскольку с шестым чувством, кое именуется интуицией, у меня, как говорится, все в порядке. А вчера я имела честь пообщаться и с Елизаветой Ивановной, и с Игорем. И мне показалось, что Игорь – человек терпеливый, честный и вообще... Словом, мальчик-одуванчик.

И он бы позвонил. Так действуют все люди, которые совершили противоправный поступок в состоянии аффекта.

Еще один момент. Допускаю, что зять мог убить тещу в порыве гнева. Значит, в тот момент у него должен быть в руках именно молоток, а не что-нибудь другое. Если бы был нож, убил бы ножом. И так далее. То есть убийство в состоянии аффекта предполагает использование в качестве орудия убийства именно тот предмет, который находится под рукой. Никогда в состоянии аффекта человек не побежит искать, чем бы поувесистее зарядить по кумполу, – миль пардон за арго.

Если же он убийство продумал как следует, то заручился заранее алиби и орудие убийства либо спрятал бы получше, либо уничтожил. Да и вообще вряд ли он в таком случае воспользовался бы молотком.

Получается, что молоток при любом раскладе исключается.

Хотя я слишком, кажется, увлеклась дедуктивным методом. Может быть, убийство совершено другим предметом. И этот предмет действительно изъят из квартиры. Полагаю, это покажет экспертиза.

Да, Таня, вечно тебе везет. Сколько уж раз твердила себе, что, как только магические косточки всякие бяки предсказывать начинают, отключать автоответчик надо, отключать телефон, закрыться на все замки, затаиться, как мышка в норке, и сидеть, пока кости не раздобьются и не сменят пластинку. А-а, да что теперь о прошлом! Теперь у нас есть интересное дело, и, похоже, не одно. Есть труп. И вообще ребус.

Размышляя обо всем этом, я вдруг подумала: а почему я решила, что не одно дело? Может быть, убийство Гусевой напрямую связано с делом о шантаже? Может такое быть? Конечно, может. Но... Теоретически. А практически? Как все это может быть связано между собой?

Старуха имела контакт с шантажистом?

Ой, какой бред! Дурацкие мысли!..

– Нина, вызывай милицию. Иного выхода все равно нет.

– Но ведь Игоря сразу посадят! Кто разбираться станет?

Им же все равно, виновен человек или нет.

Да, хорошее мнение у наших обывателей о наших доблестных защитниках правопорядка.

– Ладно, не ной. Сейчас я позвоню своему хорошему знакомому, полковнику Григорьеву. Это чрезвычайно честный и бескорыстный мент. Обещаю, что сумею посеять сомнения в виновности Игоря, и, дай-то бог, все обойдется подпиской о невыезде.

Глава 3

Пока не приехала оперативная группа, я решила обойти соседние квартиры и узнать там, что видели или слышали жильцы.

На каждой площадке дома располагалось по шесть квартир. Три квартиры в правом коридорчике и три в левом.

Квартира Гусевой в левом крыле.

Правое крыло было отгорожено одной общей металлической дверью от площадки. Жильцы в целях большей безопасности часто поступают подобным образом: ставят общие двери, отгораживая свой коридорчик от площадки.

Левое крыло о своей безопасности не заботилось: поэтому, видимо, коридорчик и не был отгорожен и доступ к любой из трех квартир с лестницы свободен.

Лестница располагалась в темном закутке. Если учесть, что квартира Гусевой расположена на шестом этаже, то встретить любителей прогуляться пешком по лестнице на такую высоту шансов мало.

То есть убийце, для того чтобы проскользнуть незамеченным, достаточно не пользоваться лифтом, а подняться по лестнице.

Я позвонила в соседнюю с гусевской квартирой дверь, одной рукой оперевшись на нее. За дверью слышались шаркающие шаги. Потом дверь открылась, и я чертыхнулась:

моя ладонь прилипла.

Старушка вопросительно смотрела на меня, а я, пробормотав приветствие, пыталась удалить липкое вещество с ладони. Оно свалилось в катышек, но никак не хотело счищаться.

– В чем это у вас дверь испачкана? – весьма подходящий вопрос при данных обстоятельствах задала я.

– Где? – старушка, подслеповато прищурившись, провела ладонью по двери. – От, это ж небось пацаны опять шалили. Сколько раз уж глазок жевачкой залепляли. Давно уговариваю соседей общую дверь в коридор поставить. Но никому дела нет. Вот и хулиганят. А вам кого надо-то, девушка?

– Извините меня, пожалуйста, за вторжение. Но мне просто необходимо вас кое о чем спросить. Можно войти?

Для себя я решила так: никто ни в коем случае не должен узнать о моей миссии, иначе ловкий преступник может пронюхать о моей деятельности. И тогда все пропало. Все на смарку, вся суета с переселением Алинки и прочим.

– Я подруга вашей соседки Нины, – представилась я, когда вошла в маленькую уютную однокомнатную квартирку. – Вы знаете уже, что Елизавета Ивановна убита?

– Убита?! – Старушка уставилась на меня подслеповатыми глазами. – Как убита? Она ж ведь совсем недавно ругалась, как всегда. Разве такое может случиться так быстро? Вот только что я ее голос слышала! Нет. Этого не может быть! Это какая-то страшная жуть. Так не бывает. Ну, ска-

жите, что вы просто пошутили. Молодежь сейчас запросто шутит таким образом. Ведь это шутка, правда? Шутка? Вы меня просто разыгрываете, да?

Странная старушка. Кто ж так шутит, ей-богу?

– Увы, так не шутят, вообще-то. Извините, конечно, что побеспокоила, но соседка ваша действительно мертва.

– Ой, господи, горе-то какое. Хоть покойная и была не ангелом, прости меня, господи, за то, что плохо про умершую. Но был грех. Я порой сама про себя ворчала, что вот, мол, хороших-то людей бог к себе забирает, а такие, как соседка моя, живут и здравствуют много лет. Ой, грешна, говорила. Да и Игорь-то натерпелся от нее, может, и не выдержал в конце концов.

Я остановила старушку, не на шутку разболтавшуюся не по делу.

– Это я знаю. Вы лучше скажите, не слышали ли вы, не видели ли, когда ушел Игорь из дома? А может быть, видели, как кто-нибудь чужой открывал дверь Гусевых ключом?

– Ой, милая, тут я ничего не могу вам сказать. Только слышала, что она ругалась, как это часто делала, на зятя. А потом я ушла стирать белье в ванную, заработалась, задумалась. Да если б я знала, что такое произойдет, я бы послушала...

Словом, полезной информации от старушки я получила ноль целых ноль десятых. За дверью напротив стояла мертвая тишина: жильцов, по-видимому, не было дома.

– А где могут быть ваши соседи, вы не знаете? – спросила

я старушку напоследок.

– К сестре своей с сыном вместе поехала. У нее сестра больная в центре города живет. Они к ней часто ездят.

– А кто живет в этой квартире?

– А Мария Ивановна с сыночком ейным.

– А сколько лет сыночку?

– Да лет тридцать. Но они – люди тихие, никому не докучают.

– Понятненько.

Я поблагодарила старушку и отправилась в другое крыло.

Соседи из правого крыла встретили меня не слишком-то учтиво. Немудрено, ведь я нарушила их вечерний досуг. Ничего, мол, не видели, ничего не слышали, ничего не знаем и знать не хотим.

– У вас же слышимость в доме такая, что можно скандал с первого этажа услышать, – раздраженно заметила я даме с короткой стрижкой, с которой беседовала напоследок.

– Слышимость действительно такая, что никакой жизни. Эти лифт и мусоропровод, которые день и ночь громяхают... – Стены шахт лифта и мусоропровода были как раз смежными с ее квартирой.

Дама слышала, что сначала прогромыхал лифт, потом крышка мусоропровода. Что мне эти знания давали, я пока толком еще не поняла. Но самое странное заключалось в том, что никто из жильцов правого и левого крыла мусор не выбрасывал. Это я проверила сразу после беседы с ворчливой

дамой. Единственная «умная» мысль, которая могла прийти мне в голову, – это что убийца, выйдя из квартиры Гусевой, выбросил нечто в мусоропровод. И это случилось именно после того, как Игорь в лифте спустился вниз. Конгениальная, конечно, мысль, но мне очень хотелось верить, что Турищев все же непричастен к убийству собственной тещи.

Я вернулась к Нине, чтобы продолжить предварительное расследование. Необходимо прояснить ситуацию с ключами. Ведь убийца воспользовался ключами, а не ломал дверь и не вскрывал замок отмычкой – в этом я сама убедилась.

Ключей от квартиры Гусевых не было ни у кого, кроме самих жильцов квартиры. Я попросила Нину посмотреть, на месте ли Алинкины ключи. Всякое может быть. Вдруг девочка их потеряла или их у нее похитил злоумышленник.

Алинкины ключи преспокойно лежали в тумбочке в прихожей. Нинины ключи были у нее в сумочке. Ключи Елизаветы Ивановны висели на гвоздике у двери. Запасные ключи Нина хранила в платяном шкафу. Они тоже оказались на месте. Отсутствовали лишь ключи Игоря.

В дверь позвонили. Нина открыла. На пороге стоял полковник Григорьев. За его спиной маячили два бравых молодца в милицейской форме.

– Здравствуйте, Танечка. Так что тут у вас стряслось?

Я была безгранично благодарна этому человеку за то, что не бросил в беде старого друга и выехал с оперативной группой сам лично.

Описывать осмотр места преступления – дело благодарное, и какой искушенный читатель детективных историй не знает, как все это происходит. Очень интересным, с моей точки зрения, оказалось то, что отпечатки пальцев на входной двери, на некоторых предметах, к которым, предположительно, мог прикасаться злоумышленник, были уничтожены.

Однако, по мнению Григорьева, это еще не давало повода думать, что в жилище проник чужой человек. Ведь так мог бы поступить и Игорь, стараясь замести следы.

Прибывший на место происшествия кинолог с овчаркой по кличке Рекс не сумел помочь следствию. Пес, виновато поджав хвост, жалобно поскуливал.

– Так где же ваш муж, уважаемая Нина Максимовна? – поинтересовался Григорьев.

Нина всхлипнула:

– Я не знаю. Он должен был быть дома. Мы с ним так договаривались.

– Так вы говорите, что ваш муж не ладил с покойной?

Вновь раздался звонок, и Нина кинулась к двери. На пороге возник пьяный в дым Игорь. Он глупо улыбался, еще не въехав, так сказать, в ситуацию.

– Нинусь, ты прости. Я немного выпил.

Он смотрел на жену умоляюще, как ребенок, который просит родителей купить какую-нибудь дорогостоящую игрушку.

– Ну, стресс снял. Допекла меня маманька. Ну, что ты на меня так смотришь? Она хоть угомонилась?

– Пройдите, пожалуйста, сюда, Игорь Геннадьевич, – обратился к нему выплывший из гостиной Григорьев, – мы должны задать вам несколько вопросов.

Игорь непонимающе осмотрелся:

– А что случилось?

– Ваша теща убита. Есть основания думать, что это могли сделать именно вы. Вы ведь не ладили с покойной?

Игорь попятился к двери, споткнулся у порога о расставленные ботинки, покачнулся и рухнул на пол. Глаза у него при этом были такие, словно он только что услышал о взрыве атомной бомбы в нашем любимом городе.

– К-как убита? – спросил он, сидя на полу.

– Да вы не волнуйтесь так. Если вы не виноваты в ее смерти, то вам не о чем волноваться. Мы все проверим, разберемся, – успокаивал его Григорьев.

Слабое, надо сказать, утешение. Все-таки, как ни крути, она была ему не совсем чужим человеком.

Игоря допрашивали довольно долго, и оказалось, что алиби на момент смерти тещи у него не было. По его словам, сначала, когда, рассвирепев, он покинул свое жилище, не менее часа пришлось гулять по городу. И уж только потом зарулил в кафе, где и надрался в одиночестве, чтобы снять стресс.

Я машинально взяла с телевизора маленького плюшевого

розового слоника и молча слушала беседу с подозреваемым, теребя игрушечное животное за правое ухо.

Высказывать личные впечатления не хотелось: я боялась навлечь на Игоря лишние неприятности. Уж слишком ясно перед глазами стояла вчерашняя безобразная картина: старуха со спущенными штанами на столбе – и рядом рассви-репевший, почти не контролирующийся себя Игорь Турищев.

Из квартиры Нины Турищевой-Гусевой я отбыла около одиннадцати вечера. Игоря все-таки не задержали: Григорьев внял моей убедительной просьбе и пошел навстречу. Уж не знаю, что бы я без него делала. Поверить на сто процентов, что Игорь хладнокровно пристукнул свою тещу, я не могла, хотя червячок сомнения и грыз совесть. Попросту говоря, я была на перепутье, не зная, кому и чему верить.

Вот я и говорю, что всегда судьба неумолимо меня несет туда, где дурно пахнет и где можно как следует вляпаться. Вот и вляпалась. Отдохнула, называется, на даче!

Идти к матери убитой девочки Тани Гавриловой в столь неурочное время, конечно же, не имело смысла, и я решила заняться личностью Васьки Свеклы.

Не думаю, что люди типа Васьки ложатся в постель с последним лучом солнца. Как правило, эти достойные господа проводят свой вечерний досуг в кругу друзей или подруг, столь же ярких личностей, как они сами. Где проводил свой досуг Свекла, я пока не знала, но очень надеялась это выяснить как можно быстрее. Хотя бы выйти пока на его след. Я

ведь не имела чести быть знакомой с сим достойным отроком.

Я села за руль и только тут обратила внимание на то, что розовый слоник так и остался при мне.

«А ты еще и ворюга ко всему прочему, Танька», – мысленно усмехнулась я. Но возвращаться из-за такой мелочи в квартиру Гусевой я не стала. Ведь ничего не бывает случайно: раз я прихватила этого слоника, значит, так угодно судьбе, и он, розовый слоник, обязательно принесет мне удачу. Я сунула игрушку в бардачок.

Выкурив пару сигарет подряд, я достала магические двенадцатигранники. Пусть кости меня научат, что делать дальше. Может, просто надо поехать домой и как следует выспаться?

34+9+18 – «Вы вспомните о том, что у вас есть старый верный друг, способный поддержать вас и даже преподнести сюрприз».

– А вот это верно, мои милые. Такой друг у меня действительно есть. И он точно сможет мне помочь. Это Венчик Аякс, бомж по призванию. Он, к счастью, тоже не относится к тем людям, для которых визит в одиннадцать часов вечера выглядит дикостью и верхом неприличия.

У Венчика, в отличие от других бомжей, своя собственная обитель на Конной улице. Правда, эта халупа, находившаяся в полуподвальном помещении, с трудом тянет на высокое звание комнаты, но все же какое-никакое пристанище.

Комнатушка вообще-то редко посещалась самим хозяином, зато служила пристанищем другим бомжам, не имевшим в силу обстоятельств такой роскоши, как собственная комната. И даже если самого Венчика сейчас нет дома, я смогу получить информацию от его коллег. Если не по поводу Васьки Свеклы, то хотя бы по поводу местонахождения хозяина комнаты.

Разыскав Венчика, я обязательно выйду на Свеклу, поскольку Венчик – ходячая энциклопедия нашего мирного города Тарасова. Он знает почти все про всех, про весь бомонд и криминальный мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.